

Елена Ермакова

Знахарь и его знание: современные представления (на материале юга Тюменской области)

Народная медицина — особая часть культуры в силу ее наполненности мифологическим и религиозным содержанием, того особого места, которое занимает в представлениях человека знание избранных. Актуальность изучения медицинского знания определяется его ролью в современном социуме — как в городском, так и в деревенском. Ведь зачастую люди ищут помощи именно у знахаря, чье ремесло переживает в конце XX — начале XXI в. небывалый подъем. Несмотря на идеологический запрет, существовавший в советское время в отношении традиционного лечения, сегодня оказанием медицинской помощи, причем повсеместно, занимаются «бабки», «деды», «лекари», «знахари», «колдуны», «травники», «целители»... Об этом, в частности, говорит та информация, которую автор статьи собрала в ходе экспедиций в южные районы Тюменской области (с 1995 по 2006 гг., обследовано более 40 населенных пунктов, в основном сельских, опрошено около 140

**Елена Евгеньевна
Ермакова**
Тюменский государственный
университет

информантов — непосвященных, приобщенных и посвященных). Показательный пример — одна из наших информанток на вопрос «А сейчас, Мария Ивановна, Вы еще лечите?» ответила: «Ох, одна машина уходит, другая заходит. Нынче маленьких много народилось, от грыжи и всё лечу. Я говорю: „Зубов не будет...“ А одна приезжала, говорит: „Один, говорит, баба, будет зуб — и то польза будет!“» (Т-ва М.И., с. Бердюжье).

Юг Тюменской области (если не затрагивать сибирских татар, живших здесь до колонизации) — регион «вторичной» культурной традиции, которая складывалась в результате заселения края начиная с XVI в. (в основном русскими) до XX в. (выходцами из разных губерний России, а также Белоруссии, Украины, Прибалтики и др.). Поначалу сильная связь с «материнским» регионом с течением времени прервалась (у кого-то полностью, у кого-то частично), в результате чего сложилась новая культурная традиция, когда, например, чувашка лечит и чувашскими, и русскими заговорами, перенятыми от соседок — «русских бабушек». Среди наших информантов — представители разных этносов: русские (их подавляющее большинство), единичные представители белорусов, украинцев, коми, чувашей, казахов, литовцев, а также те, кто имеет смешанное происхождение (например, одна из информанток — украинка по матери и финка по отцу).

В полиэтничной ситуации народная медицина, как и остальные элементы культуры, адаптировалась к местным условиям и приобрела в регионе специфические черты. Сформировался особый комплекс знаний, а также механизмы их сохранения, передачи и воспроизводства. Именно обряды (ступени), связанные со становлением знахаря, передачей сакральных, прежде всего интересующих нас медицинских знаний, с обретением магико-мистических свойств и приобретением специальных навыков, стали основным предметом нашего исследования.

Следует отметить, что изучены они сравнительно мало (по крайней мере, на славянском материале). Среди современных работ следует выделить исследования В.И. Харитоновой, в том числе «„Избранники духов“, „преемники колдунов“, „посвященные учителями“: обретение магико-мистических свойств, знаний и навыков» [Харитонова 1997], «Заговорно-заклинательное искусство восточных славян...» [Харитонова 1999] и некоторые другие. Н.А. Криничная на основе русских мифологических рассказов рассматривает передачу и усвоение эзотерических знаний колдунами [Криничная 2002; 2004]. В отдельных публикациях встречается полевой фольклорно-этнографический материал, посвященный передаче сакральных знаний от учителя к ученику. Что касается Тюменской области, то эта лакуна пока не закрыта.

Сам жизненный цикл знахаря многоэтапен, в нем можно выделить следующие ступени: получение знаний учеником от учителя (кто, когда и как получил знания); начало лечения (когда начал лечить); передача знаний следующему поколению (когда и как передал знания); прекращение лечения.

Получение знаний

Получение знаний является важным моментом в становлении личности знахаря: от кого он наследует знания, какие конкретно знания ему передадут, как и где он их получит. Все это непосредственно скажется на его квалификации, уровне подготовленности, а возможно, поменяет саму жизнь. Как показывают наши данные, знания могут быть получены из разных (часто нескольких) источников. Приведем статистику (в скобках указано число случаев получения знания от названного источника):

А. Женщины (всего 83 случая получения знаний).

I. Женщины-родственницы (54): 1. Мама (27). 2. Бабушка (родная, разные степени родства) (17). 3. Свекровь (10). 4. Тетя (4). 5. Сестра (1). 6. Мачеха (1). 7. Сестра свекрови (2). 8. Сноха (1). 9. Мать дяди (1).

II. Не родственницы (29): 1. Бабушка (по возрасту или определению информантов) (25). 2. Женщина (по возрасту или определению информантов) (3). 3. Подруга свекрови (1).

Б. Мужчины (всего 14 случаев получения знаний).

I. Мужчины-родственники (11): 1. Отец (3). 2. Дедушка (5). 3. Дядя жены (1). 4. Крестный (1).

II. Не родственники (3): дедушка, мужчина.

В. Книги (всего 13 случаев получения знаний). Наталья Степанова (наиболее популярный источник получения знаний: «Белая магия», «Черная магия»); Александр Кашпировский, Александр Аксенов («Я не колдун, я знахарь»), Юрий Лонго, «Книга тайных наук», Коран, Библия, «Медицина Пророка», Г. Попов («Народно-бытовая медицина»), «численник» (отрывной календарь), «молитвенные книжки».

Г. Другие источники (всего 5 случаев получения знаний). Например, курсы биоэнергетики (Р-на А.П., д. Веснина); «заговоры придумала сама» (Н-на И.К., г. Ишим); «кто где че, я уже хватаю» (В-ых Р.А., с. Уктуз); «а потом, может, как-то от кого-то, что-то» (Р-ко М.И., с. Сладково) [Ермакова 2005: 94–95].

Как видим, сегодня наши информанты получили знания в большинстве случаев от родственников (прямых и боковых).

Одна из наших информанток, С-ва А.И. (с. Петелино), отметила, что все это «передается из поколения в поколение». Зафиксированы случаи, и их достаточно много, когда лечебные знания были получены не по родственной линии. Кроме того, источниками получения сведений по народной медицине служат книги, средства массовой информации — телевидение, радио, газеты, журналы, а также другие ресурсы — «сама узнала», «придумала», курсы биоэнергетики. Возможно получение знаний за какие-либо услуги. Л-ва В.Н. (с. Нижняя Тавда) лечению научилась от бабушек в д. Иска, где жила некоторое время. Она писала им письма, а они научили некоторым медицинским приемам, в том числе заговорам (информантка отказалась их сообщить, хотя и не имеет пока преемника).

Такие социальные катаклизмы, как революции и войны, трансформируют народно-медицинскую традицию. В эти периоды происходит нарушение естественного процесса передачи знаний по родственной линии: учитель ищет такого ученика, который был бы способен сохранить полученные знания и лечить. Во время Великой Отечественной войны некоторые старики, оставшиеся без поддержки и средств к существованию, вынуждены были бродяжничать, просить милостыню. Р-ч П.М. (с. Озерное) сообщила нам, что знания передал ей старец-бродник. Она вспоминает о нем: «Я вот обличие его помню: седой он, и такое у него доброе лицо вот. И он еще так, у него мягкая рука была. Я еще в первом классе училась — долго это так писала [тексты заговоров, которые ей диктовал старец. — Е.Е.]. И он еще так погладил меня, сказал: „Ну, помянешь меня когда-нибудь“. А вот чтоб-то имя-то записать, а я все вот так обличие только. Царство ему небесное». Сама Пелагея Михайловна с детства была инвалидом, и бабушка, видимо, пожалел ее, передав свои знания, которыми она могла бы всегда заработать себе на хлеб. Кроме этого учителя информантка перенимала знания от бабушек-знахарок: «Ну, и вот он кой которые, я тогда еще кого, только один класс кончила, писала-то так плохо, но он все равно мне диктовал, я переписала, потом, значит, вот скотину лечить, вот людей, ну, вот самое главное, теперь мне пригодилась вот эта порча, вот это вот... Потом я лежала, подолгу лежала в больнице, тогда вот как обострение, и я лежала. Там тоже старенькие старушки были, вот, у тех тоже... И вот так вот. От них тоже переписывала, которые вот такие душевные».

Среди способов получения знаний, целительского опыта или же каких-либо советов получают распространение поездки к другим, часто известным знахаркам. Так, С-ко Л.К. (с. Нижняя Тавда) ездила к «знахарке Анне Ивановне» (так она ее представила) в пос. Нижнепристанский Нижнетавдинского р-на. К-ая Г.П. (с. Байкалово) лично ездила в Новосибирск к «сибирской

целительнице» Наталье Степановой (чьи книги, кстати, есть у некоторых наших информанток в личных библиотеках; те, кто живет в деревнях и в селах, где нет книжных магазинов, выписывают эти книги по почте).

Получение знаний нашими информантами происходило в разные жизненные периоды. В итоге все они группируются в несколько временных стадий, причем две из них преобладают по количеству случаев получения знаний. Научение происходит в детском возрасте, когда нашим информантам в среднем 11–12 лет. Для девочек это период начала физиологического взросления: переход от одного физиологического состояния к другому. В нескольких зафиксированных нами случаях передача знаний могла происходить и раньше. Например, С-ва А.И. (с. Памятное) говорит, что научилась лечить лет с пяти-шести (передала знания родная бабушка). Это самый ранний из зафиксированных нами случаев получения знаний. Р-ч П.М. переняла знания в первом классе (лет в семь-восемь), когда только научилась писать. Именно овладение письмом являлось причиной передачи знаний от учителя к ученику. По наблюдениям В.Я. Темплинга, сделанным на тюменском материале, приобщение к знаниям в детстве было характерно для народной медицины XIX в. Ссылаясь на Н.А. Городцова, ученый отмечает, что именно подростком получил знания известный знахарь Л.Л. Заякин, лечить же он начал сразу после женитьбы. В.Я. Темплинг приводит данные своих полевых исследований (1991), отмечая случай, когда в беседе участников экспедиции со знахаркой К. Логуновой (Казанский р-н) принимала участие и ее 10–12-летняя дочь, которая «по ходу беседы время от времени делала замечания и напоминала матери, если та что-нибудь опускала» [Темплинг 2005: 227]. Столь раннюю передачу знаний Темплинг связывает с тем, что именно в подростковом возрасте «крестьянские дети получали основные навыки хозяйственной деятельности, приобщались ко всем сферам жизни семьи и общины, и к моменту достижения совершеннолетия они уже были готовы к самостоятельному исполнению тех задач и обязанностей, которые требовались для нормального воспроизведения жизни» [Там же].

Значимой временной стадией в получении знаний является материнство информанток, особенно тех из них, кто имел много детей. Бабушки, владеющие знахарскими знаниями (как правило, это заговоры от самых распространенных болезней — грыжи и испуга), передают их женщинам, обратившимся к ним за помощью для лечения своих маленьких детей. Так, одна родственница научила Т-ву А.Г. (с. Бердюжье) знахарским знаниям: «Ребятишки начались маленькие вот у меня, чтоб я по людям не бегала, не искала, она меня научила: „Давай вот,

не бегай, давай вот это...“». Уникален случай передачи знаний сыну (историю рассказала его мать, С-ва А.И. (с. Петелино), передавшая ему заговор от грыжи): «Когда они начали меня провожать, он говорит: „Мам, ты, говорит, мне запиши, а?“ А я говорю: „Пиши. Правильно, говорю, Миша, пиши, говорю, запиши“. На коробке он так взял и записал на ходу все это. А теперь сам лечит, говорит. У друзей дети рождаются, пупы-то здоровые делаются». Овладение знаниями может происходить и в случае рождения внуков. Так, Е-ва Н.Б. (пос. Коммунар) переписала заговор и лечебный обряд от соседки и лечила им свою внучку от *уроков*.

Однако случаи передачи знаний, их пространственно-временные координаты многообразны, они не укладываются в одну схему. Знания могут передаваться, когда ученице исполнится 18–19 лет. Передача знаний могла происходить однократно, в течение непродолжительного периода времени (достаточного для того, чтобы ученица выучила тексты), а также постепенно. Это характерно для молодых или среднего возраста, чаще образованных (со средним или высшим образованием), знахарок. Например, Х-ва Ф.И. (с. Омутинское) рассказала, как она узнавала свои способы лечения: «Сначала ребятишки ходили вот в католическую церковь, приносили... Еще не было церкви [православной. — *Е.Е.*] в Омутинке. В такие книжечки я заглядывала, хотя и католическая. Смотрю, там то, то написано. Приобщилась, а потом уже купили здесь такую литературу, ну, в православной церкви. Туда стала... Заветы там заглядывать... Больше стала проникать во все... Так надо было, что кто-то подталкивал меня, что все надо это познать, смотреть. Потом вот стали книга Лонго там...».

Знания передаются и в случае, если учитель находится при смерти. Так передали свои знания П-ой Н.Н. (д. Тюнево, белоруска) ее свекровь, Р-ой М.М. (д. Большекрутинская) — мама. Однако в таких случаях передача знаний находится под угрозой, так как старый человек в результате или тяжелой предсмертной болезни, или ослабления памяти забывает знания. П-ой Л.Я. (с. Ивановка) ее мама не успела передать знания: «Когда она старая стала, я говорю: „Мама, все равно не бессмертная, когда-то ты умрешь, может быть, что-то бы передала“. Она говорит: „Ой, теперь уж я ниче не помню“». Вот почему многие наши информанты отмечают важность передачи знаний, пока они «в памяти»; если же они чувствуют, что знания могут быть не переданы лично, то записывают их.

Особое поведение и ритуальные действия (обряд посвящения), сопровождающие передачу знаний от учителя к ученику, пока нами не зафиксированы. Это может быть связано как с

их отсутствием, так и с неполным охватом территории, а также особой сакральностью этого знания. Однако некоторые особенности передачи знаний — основы ритуального поведения и принципы работы в ритуальных ситуациях — все же можно выделить. В данной статье мы рассмотрим, как происходило включение рядового члена социума в число знахарей.

Способы и форма передачи знаний

Передача знаний может происходить и устным, и письменным способом. Некоторые информанты отмечают, что письменный способ неэффективен, так как слово «обесценивается», исчезает его магическая сила, а возможный преемник знаний не сможет из-за этого перенять и использовать лечебные тексты: «Писать не надо. Если написала на бумажке — толку мало» (Ш-ва Н.А., с. Петелино).

Устная передача знаний могла происходить двояко. С одной стороны, на примере лечения учителя (ученик как помощник или наблюдатель участвовал в акте исцеления). Ф-ва Ю.А. (с. Сосновка) научилась чертить рожу (лечить с помощью обведения пальцем вокруг большого места и проговаривания слов заговора) от «настоящей баушки»: «Фрося — та хороша, настоящца была тоже баушка. Я к ей ходила, у меня как-то грудь заболела, рожа на грудь сделалася, я к ей пришла: „Вот давай, Юля, раздевайся, я щас буду тебе грудь чертить, а ты перенимай, слушай“. Вот я от ее упеть эту, рожу-ту, переняла». «Парень из Боровой» научился от К-ш М.С. (с. Викулово) вставлять кости, когда та лечила его: «Через неделю парень приезжает ко мне нормальный. Вот так: „Бабушка, я приехал тебя отблагодарить. А теперь сам вставляю людям. Бабушка, спасибо тебе, меня ты научила, я теперь за хирурга работаю“. Я говорю: „Ну, ладно, слава Богу, работай на здоровье, помогай людям“».

С другой стороны, передача знаний могла происходить только вербально, в форме рассказа и, возможно, объяснения ритуальной части. Вне лечебного процесса перенимала знания Б-ва М.К. (д. Таволжан): «А меня больше научил мой крестный, Кузьма Михайлович Плотников. Наш, таволжанский же был. Жили через дорогу мы. Бегаем, бегаем, побежим к имя, у их изба большая была, крестный с крестной на печку лягут, а мы все на полати. Вот они лежат на печке и говорят: „Тихо, щас будем спать ложиться, молитвы читать“. Вот, и начинат. А у меня, видимо, память хороша была, я с полуслова все запоминала. Ну, вот так вот перенимала все».

Вообще для заговора характерна, как правило, устная традиция бытования и передачи. Думается, возможная суровость наказания за лечение в прошлом препятствовала письменной

фиксации заговорных и прочих магических текстов, закладывала устную традицию передачи лекарских знаний. Подобные знания всегда считались тайными, сакральными, а если что-то доверил бумаге, то оно может стать доступным чужому человеку, в том числе и потенциальному конкуренту, к которому перейдет сила. Не способствовала письменной передаче и подавляющая неграмотность крестьян. Кроме того, устный способ передачи был наполнен и духовным содержанием. Ш-ва Н.А. (с. Петелино) отмечает: «Писать не надо. Если написала на бумажке — толку мало. — (Почему?) — Ну, бумага опять. Лучше вот словами передать. — Когда вы лечите, вы шепотом говорите молитвы? — Конечно. Так надо. Только Господь знал, и я знала».

В устной форме перенимала знания М-ч Т.И. (с. Омутинское): родные бабушки говорили ей, а Тамара Ивановна запоминала, «держала в памяти». Однако и некоторые из тех, кому передадут знание наши информантки (молодое поколение), также убеждены, что владеть знаниями можно только в устной форме. Например, дочь Ф-ой Ю.А. говорит (со слов самой Юлии Афанасьевны): «Надо держать в душе, на уме, не по записанному говорить, а надо так переговаривать». Устная передача знаний от ученика к учителю вырабатывает алгоритм сохранения заговора.

Как показывают наши данные, большой объем в общем корпусе текстов занимают «заговорные микротексты», поскольку заговоры редуцируются со временем и происходит естественный отбор тех вариантов текста, которые поддаются устному запоминанию. Например, С-ва А.И. (с. Петелино) способна выучить не все тексты: «А мы, сколько нас есть в роду вот шас вот, и дядя Петр вот знал вот этот наговор, что как ребятишек, это, чертить, все-все-все вот мы знаем. Ну, а я к им в дом пришла, она: „Давай и ты теперь, говорит, делай“. И я выучила. Я наговор только тот могу внушить в себя, который я могу выучить». В связи с этим у знахарей сложился особый способ запоминания текстов. Некоторые из них говорят об особом способе заучивания заговорных текстов. Передавая мне свои знания, В.И. Г-на (д. Десятова) наказала: «Токо учи как стишки».

Получение знаний может быть чудесным, связанным с особенными случаями в жизни наших информантов. Учитель Е-ва А.М. (г. Ишим) во сне увидела, кому должна передать свои знания. Анна Михайловна так описывает все происшедшее: «У меня в природе все лечили. Мама маленько, дядька у нас шибко хорошо лечил, тетка хорошо лечила. Но мне передала совсем чужая женщина. — А где, в Ишиме, здесь? — В Ишиме, здесь, я в больницу поступила, я работала в больнице, у нас высеялась

палочка. Я поступила в палату, она назавтре пришла, пожилая женщина. Спросила: „Где вот поступили здесь?“. Сказали ей. Она пришла ко мне и говорит: „Мне надо тебе передать“. Я тогда молодая была. Я вот: „Че, говорю, передать? Давай!“. Она: „Ишь ты кака шустрая!“. Села, знашь, и давай она молитвы читать: „Вот, слушай!“. А я будто их давным-давно знала. Она вот прочитат молитву, я тут же ей расскажу. — Несмотря на то, что она длинная? — Хоть как длинна, все равно расскажу сразу же, сразу же расскажу. — Как ту женщину звали? — Анной. Я потом спросила. Я говорю: „А почему вы, интересно, мне?“. Она: „А мне приснился сон, что в такой-то палате поступила женщина, и ты должна ей все передать“. И вот она пришла, передала все. И она мне сказала, что пока тебе 50 с лишним лет не будет, никого не лечи. Я говорю: „А почему?“. — „Потому что нервная система не упарёла еще“. — Что значит „не упарёла“? — Ну, видно, не укрепила. — Вы ее никогда не видели больше? — Нет, никого не видела, я ее сроду не знала даже. Ее в тот же день выписали. — Откуда она была? — Она не из Ишима была, она была из другой деревни. Тогда же машин не было, ниче не было. Она еще велела домой приехать к ней. А у меня семья большая была, мне некогда было. — Где она где жила? В какой деревне? — Она в деревне жила, далёко отсюда. Ершово. Это где-то за Тюменью туда, Нижняя Тавда есть... Вот там. Там она жила. Это потом-то уж, когда у меня в Нижней Тавде свои появились, мы поехали — она умерла. Две дочки у ней, три сына — никто ниче не знат. — Она лечила там? — Ее везде возили повсюду, она очень хорошо всем помогала. — В каком это году было? — Ой-ё, ну, сколько это, мне чичас семьдесят три, а мне тогда было, наверно, лет, наверно, девятнадцать. Молоденька была. — А вы до пятидесяти лет помнили заговоры или записали их? — Не записала никого. У меня и сейчас нет записанного никого. Я все помню. — Вы тогда думали, что лечить будете? — Никого не думала, кого молодой думашь, никого не думашь. — А как Вы их не забыли? — А вот не забыла, да и все».

Кстати, если говорить о топосе передачи знаний, то больница как место совершения обрядов перехода упоминается нашими информантами довольно часто (особенно пожилыми женщинами, которые перенимают знания от лежащих в больнице бабушек). Другие значимые места получения и передачи знаний — дом, дорога.

В.И. Харитоновна считает, что «письменное хранение текстов устной традиции — явление, вероятно, довольно позднее. Оно, очевидно, больше распространяется на „маргинальную заклинательную практику“, т.е. на деятельность непрофессиональных заклинателей, которые записывают „на всякий случай“

узнанные ими тексты, но не пользуются ими регулярно» [Харитоновна 1999 1: 284]. Однако в ситуации, когда происходит разрыв в передаче знаний из поколения в поколение, когда нет возможности непосредственного и достаточно продолжительного присутствия ученика рядом с учителем, необходимого для запоминания текстов, усвоения навыков (например, бабушка живет в сельской местности, а внуки — в городе), или по каким-то иным причинам (например, у дочерей нет желания), знахарский опыт передается (сохраняется) в письменной форме, на бумаге. Так передавал свои знания М-ой А.Н. (с. Ивановка) ее учитель Василий Буланов: «Я принесла ему Свету [дочь. — *Е.Е.*] лечить, он сказал, не посмотрел, говорит: „Да, у нее грыжа. Но я приду к тебе сегодня, когда солнце будет садиться“. И три дня он ходил. А потом приходит на четвертый день и говорит: „Садись, доставай тетрадку и записывай. Все, что я знаю, я тебе передам“. И он не стал лечить, после того как отдал все мне».

Переписывание в тетрадь при передаче знаний имеет еще один аспект — переписанное как бы «страхует» от забывания, не требует от перенявшего знания заучивания текстов, так как в случае забывания заговоры всегда можно «подсмотреть» в заветной тетради (что и делают некоторые информанты, особенно преклонного возраста). Однако здесь играет роль и такой момент, как потеря тетради. Например, это произошло с М-ой Р.Д.: «Тетка говорила: „Учись, Рая, учись, в жизни пригодится“. А потом я в тетрадь записывала — потеряла. Там больше было. Выбросили, видно. По памяти припомнила... Что знаю — помню». Таким образом, происходит «естественный отбор», своеобразная унификация знахарского репертуара: в активном запасе остаются, как правило, самые востребованные заговоры — от грыжи, испуга, уроков, рожи, чирея, бородавок, шипиц.

Достаточно редким способом передачи знаний является книжный. Среди книг, из которых черпаются сведения, — Библия, старые лечебники (интересно, что два способа передачи знаний через старые лечебные книги мы зафиксировали в Викуловском районе, и оба раза информантки получили их по мужской линии, от деда), новые книги. Чаще всего лечебные тексты из книг являются дополнением к тем заговорам, которые уже унаследованы при непосредственном контакте с учителем. В лечебной практике Р.А. В-ых (с. Уктуз) — заговоры, унаследованные по родственной линии (от бабушки и свекрови), и тексты из книг Натальи Степановой, применяемые в том случае, если среди переданных по наследству нет текстов от конкретной болезни. Например, из книг Степановой информантка выучила заговор от свища.

Итак, передача знахарских знаний сводится, с одной стороны, к письменной передаче знаний: переписыванию учителем или учеником текста заговора с ритуалом или без ритуала (списывание с тетради или диктовка учителем обряда), к передаче лечебных книг, тетрадей; с другой стороны, к устной передаче текста и ритуала, которая может происходить в условиях совершения лечебного ритуала или в искусственных условиях (моделирование лечебного ритуала, передача вербального и акционального кода лечения). Можно говорить также о смешанном способе передачи знаний — устном и письменном. Так получала знания В-ва М.Ф. (д. Карасуль): «А где и со слов, где и списывала: „Детка, вы же будете еще жить, мало ли, вот дети ли кто, может быть, ты кому поможешь“».

Передача знаний может происходить как своего рода испытание на «профпригодность». П-на Г.А. (с. Омутинское) вспоминает, как она научилась лечению: «Баба Надя только мне сказала... Я еще маленька была, небольшая была еще, лет десять или одиннадцать было. Вот она вот так сказала: „Ты, Галька, будешь лечить детей“. Говорит: „Вот я тебе щас скажу — ты запомнишь?“ Я говорю: „Запомню, говори“. Она мне сказала, я запомнила сразу. И все». Сейчас Галина Алексеевна лечит в основном только от грыжи, знает она также заговор на дорогу (такие сведения она сообщила нам в ходе интервью; кроме того, именно таким способом — однократным рассказыванием — передала она знания и нам, воспроизведя заговор на дорогу). Таким образом, способ запоминания влияет на то, сколькими текстами знахарь будет оперировать в дальнейшем, а также на то, каким образом он будет передавать свои знания ученику.

Начало лечения

Получение знаний и начало лечения могут не совпадать по времени. Чаще всего получение знаний и начало лечения одномоментны в период раннего материнства. Молодой матери передают знания, чтобы она сама могла лечить ребенка. Также часто начало лечения приходится на 40–50 лет. Возможна связь начала лечения с наступлением климактерического периода, а также с появлением свободного времени (здесь значим выход на пенсию) и рядом других причин. Е-ва А.М., в 19 лет получившая знания чудесным путем, говорит, что женщина, передавшая ей знания, посоветовала ей лечить после 50-ти лет, когда «упарéет» (т.е. установится, окрепнет) нервная система. Нами зафиксированы случаи, когда информанты начинали лечить в детстве или юности. Т-ва М.И. (с. Бердюжье) начала лечить в 19 лет (научилась в 11–12 лет). Т-ва А.Г. (с. Бердюжье) выступила в роли ритуальной помощницы в 12 лет (ее пригла-

сила родственница), однако начала лечить с рождением своих детей.

Начало лечения может быть связано и с тем, что информантки откликнулись на чужую боль, пожалели тех, кто оказался в беде. К-ш М.С. первого пациента вылечила в 12 лет (переняла знания из книги, которую передал ей дед) — она пожалела мальчика, племянника подруги, который ревел и никак не мог успокоиться. Мария Савельевна вспоминает: «Помню, конечно, помню. Изурочили его, да. Он болел. Ночью не спал, кричал. Вот так. А я пришла к им, к подружке к своей. Через дорогу жили. Уроки выучили, и надо пойти поиграть, в черные палочки ребятишки все, соберемся девчонки все, играм вечером. Я пришла к им, Макся все кричит и кричит. Моёй подружки племянник был, а не брат. Ну вот, я сказала. И так меня мать опозорила, я не знаю, то ли бы я сквозь пол улетела. Я подружке своей говорю: „Наташа, дай мне водички — я на Максю пошепчу, он, может, уснет“. А она: „Ты че, знаешь?“ — „Че знаю, то и я говорю“. Мамаша эта выходит оттуда из комнаты. Она и говорит ей, моя подружка Наташа: „Анна, дай Маруське воды, пускай она пошепчет на Максю, чтоб он поспал“. Она как на меня посмотрела: „Знат? Чего она знат!“ . У меня все на мне помлело. Ну, а потом она ушла в комнату, там, к ребенку. Наташа мне говорит: „Маруська, ты че такая какая-то не такая стала на лицо, какая была“. Я заплакала, я говорю: „Наташа, я больше к вам не придю“. Она: „Да не обижайся ты на ее, на эту, на сноху“. Я потом стояла-стояла, думала-думала, че мне делать. Думаю: „Наташа, давай воды. Давай мне воды, я наговорю и умою“. Ну, Наташа налила мне воды, я поговорила че знаю. Я говорю: „Скажи Ане, пускай несет Максю“. Она открыла дверь: „Анна, ну, носи Максю, Маруська уж наговорила“. Она приносит, мы его попоили, помыли, и она понесла Максю усыплять, мы побежали играть с ей на улицу. Ну, и потом поиграли, разошлись домой спать. Утром собираемся в школу, у меня уж сумка в руке, эта Анна прибежала с кружкой с простой, чтоб я наладила опять на Максю. Через дорогу. Она забегат: „Ты в школу собралась?“. Я говорю: „Да, в школу“. — „Макся-то спал всю ночь. Взяла и полечи че-нибудь, поговори, чтобы он был спокоен“. Бабушка так на меня строго посмотрела и говорит: „Ты что, ладила?“. Я говорю: „Да“. — „Бросай сумку и наладь“. Я говорю: „Я в школу опоздаю!“ . — „Ничего, ответишь, на ногах постоишь“. Мне бабушку-то неохота прогневать, бабушка обиделась на меня, рассердится. Ну, че, я сумку поставила, давай скорее воды налили, я опять поладила и сумку в руки и через деревню в школу — школа была на самом краю. Прибегаю — ребятишки уж на уроках. Учительница на меня так строго: „Почему сегодня опоздала?“. Я говорю: „Дак еще урок-то не занятый учением,

ну, дети только на местах сидят, и все“. — „Что случилось?“ — на меня. Я говорю: „Да ничего“. Так уж, виновато отвечаю, раз я опоздала. Запыхалась, задыхалась, залезла на свое место. Она все-таки добилась, учительница, на перемене меня одну оставила, все побежали на перемену, а меня оставила. Она: „Расскажи, почему опоздала?“ Я говорю: „Да, Лидия Петровна, я мальчишку лечила“. — „Как лечила?! — на меня строго глаза выпучила. — Как лечила?!“ Я говорю: „Че знаю“. — „А чего ты знаешь?“ Я говорю: „Че знаю, то и знаю“. — «Кто научил?» — „Нихто“. — „А как, почему?“ Я говорю: „По книжке“. — „А где эта книжка?“ Я говорю: „У меня“. — „Можно почитать?“ Я говорю: „Как бабушка разрешит“. Ну, и у нас тут разговор с ей кончился. И на местах ребятишки. И вот... Двенадцать лет мне было, и меня уж везде огласили, по чужим деревням, и свои, деревенские, все с ребятишками ко мне, как заболит ребенок, не спит, ни че, так и бежит ко мне мама. Вот так. А потом выросла, послали меня на заготовку. Школу только у нас было до четырех классов. Больше нигде было учиться. Четырнадцать лет мне исполнилось — и айда в лес. И я не знаю, как люди меня там определяли, почему, какие-то приметы у меня ли че ли на лице были, не знаю. Если посекеся, порубился, кровь идет: „Мне, Маруська, пошепчи че-нибудь, а?“ Я говорю: „Да че вы ко мне, я чего знаю?!“ — „Ну, знаешь ты, знаешь!“ Ну, я не могу отказаться — давай, лечи!».

С-ва А.И. начала в 9 лет (научилась лет в 5–6): «Мне девять лет было, я мужику кровь остановила, он бы умер, пока до больницы довели. Он пахал и как-то плугом разрезал сильно ногу. И вот я его... Молитвой». Начало лечения может быть связано со смертью учителя, как у П-ой Н.Н. (д. Тюнево): «Я переписала от нее это все, когда она умерла, ну, вроде люди знали, что знала она, значит, начали говорить: „Наверно, передала невестке“ — раз невестка я. Хотя у нее были дочери, но хотелось че-то мне. Когда она умерла, начали люди обращаться ко мне. Первостию обратились малышей лечить от испуга. Ну, я, как она меня научила, я начала. И что-то, значит, помогло».

Некоторые информанты могли начинать практиковать лечение только со своими родными, а затем переходили к лечению более широкого круга людей. Так, Н-ва А.С. (с. Озерное) сначала лечила своих новорожденных детей — «А своих как, как рожу, и всегда лечу. И от грыжи, и от уроков, вот это всякое», и лишь не так давно, «может быть, лет пять, может быть, десять», лечит и своих односельчан, не говоря уже о своих внуках. Нами зафиксированы также случаи, когда знахари начинают практиковать лечение с себя, как бы проверяя эффективность способа лечения. Например, М-на Р.Д. (с. Ивановка) первый заговор применила для себя, вылечив ячмень. Р-ко М.И. (с. Сладко-

во) признается: «Я все пробую на себе, а потом на людях». В процессе практики лечения может происходить и аккумуляция знания.

Передача знаний

Некоторые из наших информантов находятся в стадии перехода, постепенно прекращая врачебательную практику. Они уже передали свои знания или передают их. Интересно, что, по нашим наблюдениям, алгоритм передачи знаний часто аналогичен способу, которым передали знания им. Например, Ш-на Л.Е., перенявшая знания от разных бабушек, причем не родственниц, рассказала и нам тексты заговоров, хотя отметила, что «это не каждый дает», сославшись на свою простоту. Тексты заговоров она передает тем, кто попросит. Л-ва Е.В. (с. Нижняя Тавда) рассказала, что бабушка научила ее наговорам так же, «как я вам говорю, на улице». П-на Г.А., когда мы обратились к ней с просьбой пересказать слова заговора, попросила выключить диктофон и отметила, что передаст заговор так, как передали ей — расскажет его один раз.

Нужно отметить, что, посещая того или иного знахаря, мы информировали его о своих целях — сохранить знания для последующих поколений, для тех, кому могут быть интересны эти знания. Отказов от общения мы встречали очень мало (единичные случаи), однако были и те, кто, согласившись сообщить какие-то сведения о своей жизни, а также несколько способов лечения (чаще с помощью трав) и оберегов (например, от порчи — носить булавку, сыпать мак и под.), отказывались сообщать заветные слова. Мотивировали они это тем, что так наказали те, кто им передавал: или рассказывать только своим родственникам, или передавать только одному человеку, или передавать тогда, когда они перестанут практиковать лечение, так как от них силы не будет.

Некоторые знахари предлагали нам перенять их знания. Это было вызвано тем, что их дети или внуки не хотят учиться, а может, они видели в нас силу, способности к лечению, какие-то особые личностные качества.

Окончание лечения

Окончание лечения может происходить, с одной стороны, постепенно, с другой стороны, внезапно (смерть знахаря). Знахарь может сначала перестать принимать взрослых пациентов и сосредоточиваться на детях (так как взрослых лечить труднее, требуется больше сил). Выход за рамки мира знахарства связан прежде всего с физиологическими причинами, когда знахарка теряет зубы или серьезно болеет. В связи с этим знахарь пере-

дает свои знания ученику и отправляет пациентов к нему. Ш-ва Н.А. приводит подобный случай: «У меня все тетка лечила, потом тетка как заболела, и она говорит: „Езжайте к племяннице, езжайте в Петелино, я все ей передала, езжайте туда, и там она вас будет лечить“».

После смерти знахарки ее пациенты «переходят» к тому, кто унаследовал от нее знания. П-на Н.Н. (д. Тюнево) отмечает: «Я переписала от нее [свекрови. — Е.Е.] это все, когда она умерла, ну, вроде люди знали, что знала она, значит, начали говорить: „Наверно, передала невестке“ — раз невестка я. Хотя у нее были дочери, но хотелось че-то мне. Когда она умерла, начали люди обращаться ко мне».

Итак, в процессе становления знахаря можно выделить несколько этапов — получение знаний, обретение дара и совершенствование навыков лечения. Собственно овладение знанием происходит не столько в тот момент, когда передается текст, сколько в процессе лечения. Суть передачи знаний, перехода в новое состояние заключается прежде всего в передаче текста и способа его применения. Знание текста и умение его применять выступают залогом того, что человек станет лечить. В момент передачи знаний человек наделяется новой долей. Не случайно многие информанты отмечают, что если они обладают знаниями, то не имеют права отказывать нуждающимся, так как это предопределено свыше.

Библиография

- Ермакова Е.Е.* Сибирская заговорная традиция (конец XX — начало XXI в.): В 2 т. Тюмень, 2005.
- Криничная Н.А.* Посвящение в колдуны: историко-этнографическая основа русских мифологических рассказов о передаче-усвоении эзотерических знаний // Этнографическое обозрение. 2002. № 2. С. 10–23.
- Криничная Н.А.* Русская мифология: мир образов фольклора. М., 2004.
- Темплинг В.Я.* Сельские врачеватели в сибирском социуме // Живая традиция заговора Сибири: сакрально-ритуальный дискурс знахарской практики. Тюмень, 2005. С. 213–245.
- Харитонова В.И.* Заговорно-заклинательное искусство восточных славян: проблемы традиционных интерпретаций и возможности современных исследований. М., 1999. Ч. 1–2.
- Харитонова В.И.* «Избранники духов», «преемники колдунов», «посвященные учителями»: обретение магико-мистических свойств, знаний и навыков // Этнографическое обозрение. 1997. № 5. С. 16–35.

Список информантов

Условные сокращения в паспорте информанта:

г.р. — год рождения;

м.р. — место рождения;

м.ж. — место жительства;

р-н — район; обл. — область, пос. — поселок;

(*Ермакова, 2005*) — материалы собраны Ермаковой Е.Е. в 2005 г.

Информацию собирали: Ермакова Е.Е., Половодова И.А. (аспирантка Тюменского государственного университета).

Б-ва М.К., 1925 г.р., м.ж. и м.р. — д. Таволжан Сладковского р-на. Кладовщик, колхозница, телятница, учетчица. Русская. (*Ермакова, 2005*)

В-ва М.Ф., 1928 г.р., м.р. и м.ж. — д. Карасуль Ишимского р-на. Швея, бухгалтер, продавец. Русская. (*Ермакова, 2004*)

Г-на В.И., 1927 г.р., м.р. и м.ж. — д. Десятова Ишимского р-на. Сушильщица, весовщик и др. Русская. (*Ермакова, 2004*)

Е-ва Н.Б., 1960 г.р., м.р. — г. Хабаровск, м.ж. — пос. Коммунар Исетского р-на (с 1999 г.). Строитель, воспитатель детского сада, доярка. Русская. (*Ермакова, 2005*)

Е-ва А.М., 1931 г.р., м.р. — д. Погорелка Абатского р-на, м.ж. — г. Ишим. Колхозница, санитарка. Русская. (*Ермакова, 2003–2004*)

К-ая Г.П., 1947 г.р., м.р. и м.ж. — с. Байкалово Тобольского р-на. Социальный работник. Русская. (*Половодова, 2005*)

К-ш М.С., 1918 г.р., м.р. — д. Бадагова Викуловского р-на, м.ж. — с. Викулово (живет 40 лет). Колхозница, лесоруб, санитарка, заведующая яслями, повар, няня, сторож. Белоруска. (*Ермакова, 2005*)

Л-ва Е.В., 1935 г.р., м.р. — д. Еремино Нижнетавдинского района, м.ж. — с. Нижняя Тавда. Трактористка, домохозяйка. Русская. (*Ермакова, 2004*)

Л-ва В.Н., 1937 г.р., м.р. — д. Антропово Нижнетавдинского р-на, м.ж. — с. Нижняя Тавда (с 1972 г.). Заведующая столовой. Русская. (*Ермакова, 2004*)

М-ч Т.И., 1925 г.р., м.р. — д. Кошевская Омутинского р-на, м.ж. — с. Омутинское (с 1965 г.). Воспитатель, сторож. Русская. (*Ермакова, 2004*)

М-ва А.Н., 1954 г.р., м.р. — с. Пенза Кемеровской обл., м.ж. — с. Ивановка Ялуторовского р-на. Зооинженер. На инвалидности. Русская. (*Ермакова, 2005*)

М-на Р.Д., 1933 г.р., м.р. и м.ж. — с. Ивановка Ялуторовского р-на. Коми-зырянка. (*Ермакова, 2005*)

Н-ва А.С., 1923 г.р., м.р. — д. Малиновка Викуловского р-на, м.ж. — с. Озерное Викуловского р-на (с 1951 г.). Колхозница, техничка. Русская. (*Ермакова, 2005*)

- П-на Г.А., 1955 г.р., м.р. — д. Бобры Викуловского р-на, м.ж. — с. Омутинское (с 1971 г.). Повар. Русская. (Ермакова, 2004)
- П-ва Л.Я., 1958 г.р., м.ж. и м.р. — с. Ивановка Ялуторовского р-на. Специалист администрации. Коми-зырянка. (Ермакова, 2005)
- П-на Н.Н., 1937 г.р., м.р. — д. Нижний Городец Толочинского р-на Витебской обл., Белоруссия, м.ж. — д. Тюнево Нижнетавдинского р-на (с 1982 г.). Заведующая избой-читальней. Белоруска. (Ермакова, 2004)
- Р-на М.М., 1929 г.р., м.р. — д. Кочниха Юргинского р-на, м.ж. — д. Большекрутинская Омутинского р-на (с 1959 г.). Русская. (Ермакова, 2004)
- Р-ко М.И., 1925 г.р., м.р. и м.ж. — с. Сладково. Бухгалтер. Русская. (Ермакова, 2005)
- Р-ч П.М., 1932 г.р., м.р. и м.ж. — д. Борки Викуловского р-на. Учетчица и бригадир дойного стада, бухгалтер. Русская. (Ермакова, 2005)
- С-ва А.И., 1928 г.р., м.р. — д. Прокопьевка Тевризского р-на Омской обл., м.ж. — с. Памятное Ялуторовского р-на (живет 23 года). Русская. (Ермакова, 2004)
- С-ва А.И., 1938 г.р., м.р. — с. Бердюгино Ялуторовского р-на, м.ж. — с. Петелино Ялуторовского р-на (живет 10 лет). Учетчица полеводческой бригады, токарь. Русская. (Ермакова, 2004)
- С-ко Л.К., 1948 г.р., м.р. и м.ж. — с. Нижняя Тавда. Кладовщица, завхоз. Русская. (Ермакова, 2004)
- Т-ва А.Г., 1939 г.р., м.р. — д. Власова Бердюжского р-на, м.ж. — с. Бердюжье (живет 47 лет). Медсестра. Русская. (Ермакова, 2005)
- Т-ва М.И., 1921 г.р., м.р. — д. Горюновка Армизонского р-на, м.ж. — с. Бердюжье (с 1970 г.). Ветеринарный санитар, кладовщица, телятница, уборщица. Русская. (Ермакова, 2003–2005)
- Ф-ва Ю.А., 1927 г.р., м.р. — д. Тумашева Заводоуковского р-на, м.ж. — с. Сосновка Заводоуковского р-на. Трактористка, рабочая в кочегарке и др. Русская. (Ермакова, 2004)
- Х-ва Ф.И., 1938 г.р., м.р. — д. Новоберезовка Аромашевского р-на, м.ж. — с. Омутинское (с 1962 г.). Телефонистка. Русская. (Ермакова, 2004)
- Ш-на Л.Е., 1936 г.р., м.р. — д. Коротаяевка Казанского р-на, м.ж. — д. Десятова Ишимского р-на. Колхозница. Русская. (Ермакова, 2004)
- Ш-ва Н.А., 1936 г.р., м.ж. — с. Петелино Ялуторовского р-на. Осемнатор. Русская. (Ермакова, 2004)